

В сентябре 1898 года Тан Шаои вернулся на родину на похороны отца, завершив почти десятилетнюю дипломатическую карьеру на посту посланника в Корею.

Однако за то время он успел познакомиться с человеком, которого можно было назвать самым важным в его жизни — Юань Шикаем.

На этот раз из-за военных действий между Альянсом восьми держав и правительством Цин Тан Шаои был вынужден задержаться в концессии Цзиньчжулинь. Поскольку их дома разделяла всего одна улица, а Тан Шаои учился за границей и свободно говорил на американском английском, семьи быстро сошлись и подружились. Но незадолго до этого несколько артиллерийских снарядов угодили в дом Тана: его жена и один из детей погибли на месте, в то время как второй ребёнок благодаря отчаянным усилиям Гувера укрылся в доме Генри и нашёл там временное убежище.

После всего пережитого дружба Тана Шаои и Гувера была крепка, и теперь, не говоря уже о том, чтобы просто сопроводить Генри в поездку в Кайпин, Тан не моргнул бы и глазом, даже отправляясь они хоть на ножницы вверх лезвием, хоть в огонь.

— Должно быть, это и есть господин Лэй? Я Тан Шаои, для меня огромная честь познакомиться с вами сегодня! — подойдя к Лэй Чжэню, Тан Шаои сложил руки перед грудью в приветственном поклоне.

Господин Лэй — так Тана, судя по всему, называли другие, и он просто последовал этому примеру. В Китае людей уважительно титуловали именно в цзянху, среди банд и горных разбойников. К тому же поступок Лэй Чжэня, который без разрешения императорского двора самовольно во главе отряда захватил Кайпинское горнодобывающее управление, мало чем отличался от выходов лесных разбойников.

— Ха-ха, Лэй давным-давно наслышан о великом имени господина Тана, и сегодня увидеть вас воочию — поистине великая честь для меня! — Лэй Чжэнь почтительно поклонился Тану Шаои. На этот раз он говорил совершенно искренне: если бы не этот непримечательный на вид китаец, суверенитет Китая был бы утрачен ещё сильнее и окончательно.

Китайское искусство светской беседы и взаимных любезностей не имело себе равных. Хотя они были незнакомы друг с другом, в словах сквозило такое чувство, будто они встретили родную душу, с которой расстались слишком поздно. Конечно, в этом случае восхищение Лэй Чжэня Таном Шаои носило более прямой характер.

Впрочем, сколько ни говори фальшивых вежливых слов, это не углубит понимание и не сгладит барьер отчуждения, поэтому Лэй Чжэнь решил перейти прямо к делу.

— Господин Тан, как вы полагаете, когда завершатся переговоры между Ли Чжунтаном и представителями Альянса? — с глубоким уважением пригласив Тана Шаои в относительно уединенный угол, Лэй Чжэнь задал вопрос, держась с почтительностью ученика. Перед лицом такого мастера дипломатии, как Тан Шаои, ему действительно было чему поучиться во многих

отношениях.

Взгляд Тана Шаои внезапно вспыхнул. Брать быка за рога — это извечный стиль военных, в котором нет ни малейшей тягомотины. Разумеется, этот вопрос находился в сфере профессиональной компетенции Тана, а столь уместная подсказка Лэй Чжэня показывала, что этот прямолинейный вояка вовсе не лишён хитроумия.

— М-да, хотя сограждане возлагают большие надежды на эти переговоры Чжунтана, я осмелюсь полагать, что аппетиты иностранцев не так-то легко насытить, и страну, судя по всему, ждёт ещё одно бедствие... — вздохнув, произнёс Тан Шаои.

— У слабой страны нет дипломатии. Сейчас Пекин оккупирован, вдовствующая императрица бежала на запад, а юго-восточные провинции заключили соглашение о взаимной обороне. Хватит хлопот с такой развалиной, кому ни передай бразды правления. Ли Чжунтан — пионер движения за вестернизацию, человек высочайших моральных устоев и огромного авторитета, обладающий солидным опытом общения с иностранцами. Но на фоне столь сокрушительного поражения, какими бы талантами ни обладал господин Чжунтан, он не сможет добиться для династии Цин равноправного договора. К тому же возраст не щадит человека...!

Лэй Чжэнь тоже говорил с глубоким чувством. Что касается подписания «Протокола Синьчоу», то позднейшие поколения привыкли винить во всём Ли Хунчжана, подписавшего этот предательский документ, но кто знал, что он был лишь представителем, получившим приказ вести переговоры. Настоящая виновница, Цыси, в то время преспокойно пряталась в Сиане, блаженствуя в роли главнокомандующего на удаленке.

— Чжунтан уже стар. Эх, интересно, кто же в следующем году возьмет на себя ответственность за страну, кто поднимет вверх знамя возрождения! — сокрушался Тан Шаои. Эти слова шли из глубины его души: после возвращения из Кореи на похороны отца он не мог занимать официальные посты из-за траура, но ситуацию в стране видел ясней некуда.

Провал «Ста дней реформ», заключение Гуансюя под стражу вкупе с опалой целой плеяды чиновников-сторонников вестернизации... При дворе Цыси приближает к себе реставрационные силы во главе с князем Дуанем Цзай И, важнейшие посты в Цзунли ямэне захватывает маньчжурская имперская аристократия, а Ли Хунчжана и вовсе ссылают в Лянгван, подальше от пекинского эпицентра власти. Результатом столь бурной деятельности стало страшное бедствие: доверившись антииностранным выступлениям ихэтуаней, Цзай И и прочие навлекли вторжение Альянса восьми держав, в очередной раз покрыв страну несмываемым позором.

— Господин Тан, у китайской нации сотни миллионов сыновей и дочерей, бесчисленное множество пылких и отважных мужей. Обширный Китай не станет терпеть издевательств иностранцев. Пока мы трудимся, пока мы не сдаёмся, настанет день, когда мы станем столь же мощной и влиятельной державой в этом мире, как Англия, Америка, Франция и Германия.

В глазах Лэй Чжэня мерцала надежда. Он говорил громко — не только для того, чтобы убедить

Тана Шаои, но и чтобы втайне напомнить самому себе: впереди долгий путь, и он обязан сохранить твёрдое и мужественное сердце.

Глава тридцать пятая. Небесная тайна раскрыта

В этот момент Тан Шаои, глядя на высокого молодого человека перед собой, внезапно почувствовал нечто особенное. Перед ним стоял истинный мужчина с горячей кровью, подлинный китаец, чьё сердце билось ради процветания нации и могущества страны. Это вызвало у Тана особую душевную теплоту.

Ведь он точно так же жаждал могущества Китая и точно так же переживал за будущее и судьбу своей родины.

— Как бы мне хотелось дожить до того дня, о котором вы говорите! — воскликнул Тан Шаои.

— Доживем, обязательно доживем! Господин Тан... Ох, простите, могу я называть вас Шаочуань-сюн? Я просто слишком взволнован! — Лэй Чжэнь взмахнул рукой, со слегка покрасневшим лицом.

— Разумеется. Все мы китайцы, а в пределах четырёх морей все люди — братья. — На лице Тана Шаои впервые появилась улыбка. В этот миг он вдруг отчетливо понял, как сильно этот человек напоминает ему другую личность из его воспоминаний: та же дерзость, та же проницательность, хотя между ними едва заметно сквозили некие различия.

— Вэй-шуай! Этот Лэй Чжэнь и впрямь невероятно похож на Вэй-шуая. — Тан Шаои внутренне изумился. Он прекрасно знал о возможностях Юань Шикая: за десять с лишним лет в Корее Юань сполна оправдал звание героя смутного времени, сумев силами всего лишь тысячного отряда сорвать планы японцев по оккупации Корейского полуострова.

Тан Шаои не принадлежал к числу тех обитателей императорского двора вроде Цзай И, что привыкли жить за закрытыми дверями. Он прекрасно понимал: если бы в ситуации с Кореей в восьмидесятых годах прошлого века там не закрепился Юань Шикай, японцы и русские давным-давно полностью захватили бы её, и вовсе не пришлось бы ждать окончания Первой японо-китайской войны.

Два господина, о чем вы так увлеченно беседуете? Не желаете поделиться? — Гувер с бокалом, наполненным красным вином, с улыбкой подошел к ним.

В отличие от Тана Шаои и Лэй Чжэня, переживавших за судьбу родины, Гувер явился в Китай исключительно ради наживы. Хотя на этот раз ему не удалось заполучить права на Кайпинские угольные копи, он неожиданно получил от Лэй Чжэня агентские права на продажу сокровищ императорского двора, и этот баснословный доход приводил его в восторг.

— Мистер Гувер, почему вы пьете красное вино? Почему бы не отведать наше фирменное китайское белое вино? Это прекрасный напиток для укрепления здоровья, говорят, в древности его пили только императоры! — с искренней улыбкой Лэй Чжэнь взял чарку, до краев наполненную бесцветной водкой, и осушил ее залпом перед Гувером.

— О, у мистера Лэя отличная выносливость! Я вот не смею пить эту водку: в прошлом году в Ляньчэне местные китайцы угостили меня такой вот большой бадьей, так я опьянел уже с первых трех рюмок — да так, что на ногах устоять не мог... — Гувер покраснел как рак и замахал руками.

У него остались самые яркие воспоминания о китайской водке. Тогда он наивно полагал, что эта прозрачная жидкость не причинит ему вреда, но стоило опрокинуть три рюмки, как мир вокруг завертелся волчком, сменившись мучительной и безудержной тошнотой. Тот случай преподал ему урок на всю оставшуюся жизнь.

Крепкое спиртное было явно не для него; западное красное вино подходило ему куда больше.

Из-за политики самоизоляции было не так много китайцев, способных свободно общаться и вести дела с западными людьми. Поэтому, когда Лэй Чжэнь непринужденно завел разговор об истории Америки, в особенности об эпохе обретения независимости и Гражданской войне — событиях, которыми так гордились янки, — восторг Гувера выплескивался через край.

— Лэй, вы самый удивительный китаец из всех, кого я встречал, честное слово! — Гувер поднял бокал и вслед за китайцами единым махом осушил красное вино.

— Ха-ха, мистер Гувер, а вы — самый проникательный американец из всех, кого видел я. Быть может, однажды вы даже станете президентом Соединенных Штатов. — Под воздействием алкоголя возбужденный Лэй Чжэнь нечаянно сболтнул лишнего.

— Президентом США? О, Лэй, вы шутите? Это самый откровенный комплимент из всех, что мне доводилось слышать в Китае! — рассмеялся Гувер.

Хотя он изо всех сил старался скрывать свои амбиции, Лэй Чжэнь отчетливо уловил нечто в его взгляде.

В столь непринужденной атмосфере эта частная вечеринка в западном стиле постепенно приближалась к своему кульминационному моменту.

— Ну а теперь настал самый захватывающий момент нашего вечера! Мистер Гувер, мисс Генри, прошу вас первыми открыть этот бал. — Учащиеся музыкального хора школы Святой Фалены заиграли изящную танцевальную мелодию, и Лэй Чжэнь, похлопав в ладоши, с сияющей улыбкой пригласил их.

— О, мистер Лэй, а где же ваша дама? Почему я ее не вижу? — На фоне столь радушного приема Лу Генри чувствовала себя счастливой птичкой в небе; улыбаясь и придерживая мужа под руку, она озиралась вокруг в поисках спутницы Лэй Чжэня.

Женщины смотрят на вещи под совершенно иным углом: пока Гувер, Тан Шао и прочие жарко спорили о деньгах или выживании страны, Лу отыскала для себя иной способ общения.

— Я... кхе, ну, разумеется, я не разочарую мадам!

Лицо Лэй Чжэня слегка покраснело. Что касается танцевальных навыков, то, обладая багажом знаний из будущего, он на деле оказался абсолютным профаном в танцах. Черт побери, с чего это западные люди чуть что норовят обнимать женщин и прыгать под музыку? Куда лучше было бы по-китайски посидеть вместе, попить чаю, поболтать. Конечно, если кто-то приглянулся и хочется сблизиться, тоже нет никаких проблем — можно пообщаться наедине.

Партнерша? Боже мой... На этом банкете, помимо вульгарных дочерей богачей из Кайпина, присутствовали лишь преподавательницы и ученицы школы Святой Фалены.

Неужели он позволит этим восхищенным и уважающим его соотечественницам увидеть его в неловком положении?

Нет, нет и нет!

Мужское тщеславие заставляло Лэй Чжэня отступить перед необходимостью кружиться в танцевальном зале, и пока он в нерешительности раздумывал, бал уже вовсю начался.

Стихи и танцы — пустая трата мужских порывов, национальный позор и личная боль не оставляют выбора на остаток дней. Господин Лэй, не откажетесь составить мне компанию и прогуляться на свежем воздухе?

К Лэй Чжэню подошел невысокий худощавый мужчина в накрахмаленном синевато-зеленом костюме западного кроя. Голос его звучал резковато, но весьма приятно на слух.

— Старшая сестра Цю! — Лэй Чжэнь замер от неожиданности. Перед ним стояла не кто иной, как Цю Цзинь. Сегодня она была без капли косметики, в элегантном цивильном костюме, собранная и подтянутая, что придавало ей совершенно особый вид.

— Что, не узнаешь? Истории о переодевании в мужское платье давно всем надоели, так что твоему удивлению можно только позавидовать. И все же — в этом мужском наряде я могу не бояться притеснений, когда отправлюсь за море, в Японию. — В ее глазах на мгновение мелькнуло непоколебимое выражение.

Голос ее был тих, но исполнен силы.

Глава тридцать шестая. Путь спасения страны

— Старшая сестра собирается в Японию? — Лэй Чжэнь опешил и невольно переспросил.

Судя по историческому ходу событий, учеба Цю Цзинь за восточными морями должна была случиться так или иначе. Сейчас же из-за вмешательства Лэй Чжэня это событие произошло раньше срока, а главной целью ее дальнего плавания был поиск путей спасения родины и народа. В этом отношении восточный сосед, Япония, несомненно, представлял собой пример для подражания.

— Страна повержена в руины, простой народ страдает. Пусть я всего лишь слабая женщина, но я понимаю суть гибели и процветания государства. Моя поездка — это попытка научиться у чужеземцев их сильным сторонам, чтобы дать им отпор, и отыскать путь спасения родины в опыте подъема Японии. Я хочу, чтобы эти заморские дьяволы увидели: китайские женщины способны не только обслуживать мужьям да воспитывать детей, прятаться в женских покоях за вышиванием и слагать сентиментальные стихи о цветонках и луне. — На бледном лице Цю Цзинь проступил легкий румянец, и Лэй Чжэнь видел, как сильно она взволнована.

Кто из благородных мужей, чья кровь еще не остыла, мог стерпеть подобное, воочию наблюдая, как чужеземцы грабят и сжигают их родную землю, в то время как императорский двор думает лишь о собственном выживании?

Если бы Лэй Чжэнь не владел небесной тайной, его настроение сейчас было бы столь же мрачным, как у Цю Цзинь.

Учиться у недруга его сильным сторонам, чтобы одолеть его.

Эти слова, принадлежавшие автору «Географического описания заморских стран» Вэй Юаню, были абсолютно верны. Китайцам, безнадежно отставшим на старте, оставалось лишь перенимать чужой опыт, чтобы попытаться нагнать упущенное. Если же уподобляться Цыси, Цзай И или Ган И и цепляться за заветы предков, результатом станет лишь череда жестоких поражений.

— Когда старшая сестра отправляется в путь? — спросил Лэй Чжэнь.

— М-да, я уже связалась с управляющим Чжоу. Примерно через полмесяца из Лункоу через Корею в Японию пойдет пароход, я собираюсь сесть на него, — слегка тронув пальцами прядь волос у лба, спокойно ответила Цю Цзинь.

Услышав это, Лэй Чжэнь вздохнул и твердо произнес:

— Старшая сестра, раз уж вы приняли решение, отговаривать не стану, только берегите себя в дороге!

Лэй Чжэнь понимал, что Цю Цзинь — женщина грандиозных замыслов, и такой маленький уголок, как Кайпин, разумеется, не мог ее удержать. Впрочем, знакомство с Цю Цзинь было для самого Лэй Чжэня огромной радостью.

В ту эпоху трудностей женщины, отправляющейся за океан на учебу, можно было только представить. К тому же Цю Цзинь была замужем.

Бесчисленные преграды со стороны семьи и общества становились ее бременем, включая узы мужа, сына, свекров, родной семьи и клана — всё это превращалось в путы, опутывавшие Цю Цзинь и заставлявшие ее продираться вперед сквозь боль и борьбу.

Столкнувшись с таким количеством колоссальных трудностей, Цю Цзинь все же смогла справиться.

На такое, пожалуй, не решился бы и иной мужчина.

В сердце Лэй Чжэня жило лишь глубочайшее уважение.

— Ну, не переживай. Помимо меня, учиться в Японию отправляются и несколько учениц нашей школы. Кстати, Юйци тоже изъявила желание ехать со мной, — кивнула Цю Цзинь.

Она была премного благодарна за заботу Лэй Чжэня, особенно после того, как разругалась с Ван Тинцзюнем: поддержка Лэй Чжэня и предоставленная им возможность преподавать в школе согревали ее душу.

Сила взаимного влияния крепка: с тех пор как они случайно познакомились в Пекине, эта удивительная женщина, оставившая яркий след в истории, неизменно приковывала к себе взгляды Лэй Чжэня.

Меньше чем за месяц имя Цю Цзинь стало известно в Кайпине каждому. Ее «Песнь о драгоценном клинке» пользовалась бешеной популярностью у молодежи, а содержащиеся в ней строки с нападка на династию Цин распевали на все лады.

Ее появление в школе словно распахнуло настезь долгое время запертую дверь: свежий воздух хлынул потоком, и заурядная церковная школа Святой Фалены буквально за ночь изменилась до неузнаваемости в глазах жителей Кайпина.

Она превратилась в колыбель и оплот передовых идей.

Она стала передовой линией столкновения старых и новых взглядов.

Здесь Цю Цзинь своими письмами, поступками и речами вдохновляла каждого учащегося. Ни

церковные прихвостни вроде Чэнь Циньшоу, ни старые начетники, привыкшие долдонить «Четверокнижие» и «Пять канонов» да моральные устои о трех основополагающих принципах, не могли отвлечь от нее всеобщее внимание.

Но Кайпин оставался лишь Кайпином — он не был Тяньцзинем, Шанхаем и тем более Пекином.

В ту пору Цю Цзинь походила на бабочку, только что вырвавшуюся из кокона и отчаянно нуждающуюся в свежем воздухе и чистой росе. Поэтому ее желание отправиться на учебу не стало для Лэй Чжэня сюрпризом, а вот намерение Юйци ехать на Восток оказалось неожиданным.

Когда Лэй Чжэнь и Цю Цзинь вернулись в танцевальный зал, пиршество приближалось к кульминации. В ярком свете ламп Юйци в белом платье с заколкой-цветком в волосах выглядела простой и утонченной. Происхождение из императорского рода наделяло ее манерами, отличными от прочих девушек, из-за чего она с самого начала находилась под пристальным вниманием мужчин.

— О, эта барышня поистине прекрасна! Самая прелестная из всех императорских принцесс, каких я видела... Ну, на ваш западный лад это, должно быть, высочества-принцессы, — завершив танец, Гувер с Лу Генри оглянулись на кружившуюся в центре залу Юйци и не удержались от восхищенных возгласов.

Танцевальные навыки Юйци были далеки от совершенства и даже отдавали некоторой неуклюжестью, но казалось, что от природы она обладает способностью к быстрому обучению — сделав всего несколько шагов, она уже весьма недурно двигалась в такт.

— Мадам, у вас отменный вкус. Эта барышня и впрямь благородная принцесса, — тихо произнес вернувшийся в зал Лэй Чжэнь, услышав вздох Лу. Он говорил так тихо, что помимо самой Лу его не расслышал даже стоявший рядом Гувер.

— Гэге! — Лу Генри удивленно воззрилась на Юйци.

На Востоке и впрямь было слишком много непостижимого: это касалось как вещей, так и людей. Будучи западной женщиной с чутким журналистским нюхом, Лу испытывала массу вопросов, требующих ответов, относительно появившейся перед ней восточной дамы.

Ранним утром следующего дня Гувер, Тан Шаои, Лу Генри и около сотни иностранных солдат, которым вернули оружие, покинули Кайпин и направились в сторону Тяньцзиня. Хотя в этой поездке Гуверу не удалось завладеть правами на владение и управление горнорудным управлением, он все же не остался с пустыми руками — по крайней мере, он увез подаренную Лэй Чжэнем бронзовую голову зверя и соглашение о представительстве, которое гарантировало ему баснословное богатство.

Что же касается его недавнего сообщника, немца Детлинга, то тут уж ничего не попишешь:

перед лицом выгоды Гувер закономерно предположил, что первым делом должен обеспечить собственный куш.

Примечание: Праздник на дворе, праздник! Всех, у кого есть билетики, прошу оставить их здесь, не прячьте!

Глава тридцать седьмая. Куда лежит путь в будущем

Встреча с Гувером и Таном Шаои казалась Лэй Чжэню бесплодной, однако заложенный в ней долгосрочный смысл преуменьшать было нельзя. Вполне возможно, ее последствия проявятся лишь спустя десять или даже больше лет.

Проводив этого американского пройдоху, Лэй Чжэнь тут же призвал Чжоу Сюэси и прочих преданных командиров, чтобы обсудить дальнейшие планы развития. С окончанием военных действий бесхозный период Кайланьских угольных копи подходил к концу. Как только влиятельные люди при дворе обратят внимание на этот актив, при нынешних силах Лэй Чжэня у него не останется иного выхода, кроме как отдать все добровольно.

— Наставник, куда бы мы ни направились, старый Сун последует за вами первым, и глазом не моргнув!

<http://bllate.org/book/21116/2142728>